

© 2019 г.

Э.Э. ШУЛЬЦ

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ ШМУЭЛЯ ЭЙЗЕНШТАДТА

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, Московский государственный областной университет (МГОУ), Москва, Россия (nuap1@yandex.ru).

Аннотация. Статья анализирует теорию революции израильского социолога Шмуэля Эйзенштадта, которая до сих пор не стала предметом отдельного исследования, между тем представляя огромный интерес, так как оказала влияние на исследователей из различных общественных наук, особенно в проблемах теории революции, обобщающих работ и изучения отдельных национальных революций. Первая крупная работа Ш. Эйзенштадта, посвященная революциям, увидела свет в 1978 г., но размышления о революциях автор продолжал до конца жизни, частично дополняя и развивая выводы. Особое внимание в статье обращается на два краеугольных, с точки зрения автора, камня теории революции Ш. Эйзенштадта: теория модернизации и понятие «осевых цивилизаций». Рассматриваются блоки вопросов, связанные с причинами и последствиями революций, их социальным составом и идеологиями.

Ключевые слова: теория революции • социология революции • последствия революций • модернизация • модерни

DOI: 10.31857/5013216250007152-0

Роль израильского социолога Ш. Эйзенштадта (Shmuel Noah Eisenstadt, 1923–2010) в социологии революции и в развитии теории революции подчеркивается во многих исследованиях по теории революции и по национальным революциям, однако исследования системы взглядов на революции Эйзенштадта нет; скорее популярны его идеи о множественной модернизации. В рамках статьи невозможно раскрыть полностью концепцию революции израильского социолога, попытаемся дать ключевые, как представляется, ее положения, оказавшие (и продолжающие оказывать) влияние на исследовательскую мысль.

Для понимания истоков концепции Эйзенштадта необходимо учитывать исторический и исследовательский контекст, в котором данная концепция появилась. 1960-е–1970-е гг. дали небывалый исследовательский интерес к феномену революций. После фундаментальных трудов П.А. Сорокина (1925), давшего понятие «социология революции», Л. Эдвардса (1927), Дж. Петти (1938) и К. Бринтона (1938) [Brinton, 1938; Edwards, 1927; Pettee, 1938; Sorokin, 1925] наступил перерыв на три десятилетия. Последующие два десятилетия принесли: «О революции» (1963) Х. Арендт, «Революция и социальная система» (1964) Ч. Джонсона, «Контрреволюция» (1966) Д. Майзеля, коллективный труд «Революция» (1966) под редакцией К. Фридриха, «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968) С. Хантингтона, «Революция» и «Изучение революции» (1970) П. Калверта, «Почему люди бунтуют?» (1970) Т. Гарра, «Аутопсия революции» (1971) Ж. Эллюля, «Современные революции» (1972) Дж. Данна, «Стратегия политической революции» (1973) и «Сравнительное изучение революционной стратегии» (1977) М. Реджаи, «Феномен революции» (1975) М. Хагопьяна, «Бунташный век» (1975) Ч. Тилли, «Государства и социальные

революции» (1979) Т. Сокпол и ряд других работ [Arendt, 1963; Calvert, 1970; Calvert, 1970; Dunn, 1972; Ellul, 1971; Gurr, 1970; Hagopian, 1975; Huntington, 1968; Johnson, 1964; Meisel, 1966; Rejai, 1977; Rejai, 1973; Revolution, 1966; Tilly, 1975].

В этой плеяде одно из ведущих мест заняла книга Ш. Эйзенштадта «Революция и преобразование обществ» [Eisenstadt, 1978]. Она подвела итоги длительных исследований, но не стала последней в анализе революций Ш. Эйзенштадтом – размышления автор продолжал, дополняя свои выводы и развивая их. Краеугольный камень теории революции Ш. Эйзенштадта связан с теорией модернизации. Главными теоретиками-основателями модернизационной теории считаются К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер [Gilman, 2003: 5; Inglehart, Welzel, 2005: 1, 16]. После Второй Мировой войны теории модернизации получили новое рождение и популярность в западном мире [Gilman, 2003: 3]. Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу и ряд других авторов видели сущность модернизации в урбанизации, технологическом развитии, росте доходов и уровня грамотности населения, увеличении количества средств массовой информации [Gilman, 2003: 5]. Отразились они и на разработке теории революции в 1960–1970-е гг.: Дж. Голдстоун [Goldstone, 1982: 187–207; Foran, 2007: 3917–3918] причислил большинство исследователей этого периода ко «второму поколению исследователей теории революции» и отличительной, характерной чертой трудов авторов этого поколения назвал «модернизационную теорию».

В 1970-е гг. начался спад популярности этих концепций; теория модернизации объявлялась устаревшей [Gilman, 2003: 17], Эйзенштадт положил в основу своей теории революции собственное видение модернизации и модернизационных процессов. Понятие модернизация для него образуется от «modernity» («современность») и связано с появлением и развитием цивилизации Нового времени [Эйзенштадт, 1999: 51]. Переход в состояние «нововременности» (modernity) связан с явлением «революция». Она, по мнению Эйзенштадта, приносит изменения – социальную, экономическую, политическую и культурную модернизацию [Эйзенштадт, 1999: 45]. Постреволюционные общества принципиально отличались от дореволюционных образцов. Им характерны: «растущая структурная дифференциация и специализация; установление универсалистских организационных систем; формирование индустриальной или полуйндустриальной рыночной экономики; обоснование относительно открытой, нетрадиционной системы стратификации и мобильности, в которой выдвигались достигательные критерии вообще и экономические, профессиональные, образовательные критерии в частности; возникновение централизованных, в высшей степени бюрократизированных политических систем» [Эйзенштадт, 1999: 228–229]. «Эти организационные изменения, – писал Эйзенштадт, – были тесно связаны с основополагающими предпосылками цивилизации Нового времени – первоначально предпосылками европейской нововременности (модерности), а затем нововременности вообще, которые формировались на основе революционных символов, идеологий и движений революционной эпохи» [там же: 229].

Ш. Эйзенштадт выдвигал подход «множественной модернизации»: вестернизация не равна модернизация, западный образец стал первым и продолжает служить ориентиром для других, но не является ни обязательным, ни единственным путем модернизации [Eisenstadt, 2002: 27].

Вторым структурообразующим столпом концепции Эйзенштадта стало понятие «осевых цивилизаций». В 1949 г. немецкий философ К. Ясперс в книге «Смысл и назначение истории» выдвинул понятие «осевое время». По Ясперсу, это четыре точки отсчета в истории человечества. Последняя такая точка – «от научно-технической эпохи, чье преобразующее воздействие мы испытываем на себе» [Ясперс, 1991: 53]. Эйзенштадт использовал эту идею. «Осевые цивилизации», в его понятии, – это цивилизации, которые «кристаллизировались в течение тысячи лет от 500 до н.э. до первого века нашей эры» [Eisenstadt, 2006: 44]; причем, они принадлежали великим религиям: христианству, мусульманству и буддизму [там же: 44]. С точки зрения Эйзенштадта, все Великие революции произошли в «осевых цивилизациях» [Eisenstadt, 2004: 48]. Эйзенштадт считал, таким образом, что

«современность» (modernity) – иной тип цивилизации, который появился и развивался в христианско-европейской осевой цивилизации [Eisenstadt, 2004: 48]. Революции стали переходом к нему.

Разобравшись с базой концепции Эйзенштадта, перейдем к ключевым вопросам его теории революции. Эйзенштадт не дает определения революции, и такой подход достаточно распространен среди современников и предшественников исследователя. Он ведет к пониманию явления через описание: 1) как оно выглядит (на что похоже и не похоже), 2) что его вызывает (причины) и 3) каковы последствия. Он пишет: «Великие европейские революции: в Нидерландах, революции 1640 и 1688 гг. в Англии, Американская революция, Великая французская, – создали образ настоящей, чистой революции» [Eisenstadt, 1978: 173]. Однако другие революции не обязательно должны походить на них, по крайней мере, внешне. С точки зрения исследователя, революции делятся на «современные» и «позднесовременные». Первые вели к модернизации феодального Запада: Нидерландская, Английская, Американская и Французская революции. Вторые произошли в XIX–XX вв. и сопровождали модернизацию традиционных обществ иных типов.

Эйзенштадт подчеркивал, что, учитывая одновременность революций и различную культурную сущность стран их происхождения, ничтожна мала вероятность сочетания в «позднесовременных» революциях таких же движений протеста с глубокими структурными изменениями, как в ранних революциях («современных»), что соответствовало бы образцу «чистой революции». Более того, наиболее распространена тенденция для поздних революций – следование образцам трансформации, расходящимся с предыдущим революционным образом, а темпы и результаты модернизации в разных странах и революциях различны [Эйзенштадт, 1999: 15, 31, 52–53, 57, 83, 223, 262, 374].

Для понимания сущности явления революции, с точки зрения Эйзенштадта, примечательно использование им в анализе конкретных исторических примеров, особенно – неоднозначных в трактовке в научной среде и общественной мысли. Так, например, о «реставрации Мэйдзи» в Японии, о принадлежности которой к революции идут споры (см.: [Михайлова, 1991: 3; Therborn, 2008: xvi]), Эйзенштадт писал, что она «по своим социополитическим эффектам очень близко подобралась к настоящей революции. Она заменила политический режим в Японии с традиционного централизованного, полубюрократического строения государства с окаменевшей феодальной структурой на современное (модерн), централизованное, олигархическое бюрократическое государство» [Eisenstadt, 1978: 261]. Мэйдзи исин, как и великие революции, «произвела радикальное изменение режима и дала начало далеко идущим процессам социального, экономического и политического преобразования» [Eisenstadt, 2006: 24].

Другой сложный случай – «бархатные революции», к которым относят определенные события конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Восточной Европе. Ш. Эйзенштадт считал их революциями и сравнивал с Великими революциями по подготовке и задачам, однако отмечал, что последние вели к радикальным изменениям политических режимов и социальной структуры обществ, «бархатные революции» несли задачи внесения коррективов в развитие [Eisenstadt, 2006: 198–199].

В понимании революции важным является определение обязательных последствий явления. Эйзенштадт считал, что такими последствиями революций должны быть: 1) насильственное изменение существующего политического режима, 2) замена политической элиты или правящего класса, 3) далеко идущие изменения всех важнейших институциональных сфер, в первую очередь экономики и классовых отношений, 4) радикальный разрыв с прошлым, 5) изменения нравственности и воспитания [Эйзенштадт, 1999: 45].

Говоря о модернизации, как задачах и последствиях революций, возникает проблема понимания *modernity* как *Нового времени* и как *современности* – понятий, которые расходятся с движением исторического времени. Задачи революций – это стандарты, заданные революциями в Англии и Франции, или это передовые страны своего времени, которые необходимо догнать в развитии [Штомпка, 2005: 528; Шульц, 2016: 204–214].

Ш. Эйзенштадт в 1978 г. выдвинул в качестве причин революций сочетание внешних факторов и внутреннего конфликта в государствах. «Во всех обществах, где произошли революции Нового времени, – писал он, – к упадку режима привело, с одной стороны, сочетание внешнего давления, которое возникало в первую очередь в результате формирования современной системы межгосударственных отношений и международной капиталистической экономики, а с другой – внутреннего воздействия и конфликтов, к которым приводило такое давление» [Эйзенштадт, 1999: 246]. Этот принцип положила в основу своей концепции и американский исследователь Т. Скокпол: уточнив, что, с ее точки зрения, причина революций кроется в существующей экономической системе и сопротивлении политически значимых сил внутри страны, которые препятствуют мобилизации ресурсов для успешной международной конкуренции данного государства [Skoсpol, 1979: 286; Skoсpol, Trimberger, 1994: 122]. Вслед за Эйзенштадтом и Скокпол среди исследователей последней трети XX в. и начала XXI в. внешние факторы как причина анализировавшихся революций стали популярны (см.: [Kimmel, 1990: 7, 217]). При этом сохраняются черты различий в подходах, заложенные этими крупными исследователями теории революции.

Классовый подход к революциям на протяжении всего XX и тем более в начале XXI в. вызывал и вызывает множество дискуссий и обоснованную критику [Шульц, 2016: 218–230]. Эти дискуссии активно развивались, начиная с Русской революции 1917–22 гг. и подпитывались революциями XX в. в Европе, Азии и Южной Америке. Кроме требований к точному определению классов в революции (и соответствующему делению на революции «буржуазные», «пролетарские», «народно-демократические» и т.д.) социология стала оспаривать правомерность применения рамок классового подхода.

Так, основатель «социологии революции» П. Сорокин критиковал классовый подход применительно к определению социального состава и противоборствующих сторон революций. Индивид, с точки зрения социолога, часто не принадлежит к одной группе, даже может принадлежать сразу ко многим группам, в том числе «не совпадающим и друг друга не покрывающим» [Сорокин, 2005: 211]. Кроме того, состав членов каждой из этих групп может меняться с течением времени: «Одни индивиды выбывают из состава членов данной группы и переходят в другую (из одной партии, семьи, религии, имущественного слоя, профессии и т.д. – в другую партию, семью, церковь, профессию)» [Сорокин, 2005: 211]. «Это значит, что в любом агрегате происходит циркуляция индивидов из группы в группу, перемещение их в системе социальных координат, изменение состава членов каждой “ткани”, или “органа” социального агрегата» [Сорокин, 2005: 212].

Эйзенштадт через полвека продолжает мысль Сорокина: «При создании коллективов, институтов и макросоциальных порядков эта неопределенность проявляется прежде всего в том, что цели и потребности каждой из групп никогда не бывают заранее данными. Специфическое содержание подобных потребностей устанавливается в каждом конкретном случае. Более того, в каждой группе могут возникать различные мнения относительно содержания той или иной потребности. К тому же различные потребности каждой подгруппы никогда не бывают полностью совместимыми; следовательно, внутри самих коллективов существуют напряженность и противоречия. Такая напряженность складывается вокруг оценки относительного значения различных потребностей всего общества и его отдельных групп; их соотношения с частными целями индивидов, составляющими ту или иную подгруппу; распределения ресурсов, необходимых для удовлетворения как индивидуальных, так и групповых потребностей, и доступа к этим ресурсам» [Эйзенштадт, 1999: 59].

Рассуждая о социальном составе активных участников революций, Эйзенштадт выделял следующие группы: 1) разнообразные группы крупных и средних землевладельцев и городских слоев, эволюционировавшие в направлении капиталистической рыночной экономики; 2) разнородные группы крестьянства (в США – фермеры), которые оказывались в двойственной ситуации, с одной стороны, угрожавшей утратой их положения под воздействием новых экономических сил, с другой – открывавшей возможности получить доступ к новым рынкам или к контролю над ними; 3) традиционные городские группы и

зародыш нового городского пролетариата; 4) новые интеллектуальные и религиозные секты, группы и движения; 5) институциональные организаторы, более разносторонние по характеру своей деятельности, и особенно новые политические элиты [Эйзенштадт, 1999: 246]. При этом ведущую роль во всех революциях, с его точки зрения, играла интеллигенция [Эйзенштадт, 1999: 31].

Мотивация участия в революциях разных социальных групп связана с идеологией революций и взглядами на изменения мироустройства; центральным компонентом великих революций служили утопические взгляды на будущее, и эти революции стали первой успешной попыткой реализации Утопии в макросоциальном масштабе [Eisenstadt, 1999: 40]. С одной стороны, «для всех революционных обществ были характерны попытки “выковать” новые цели, символы и центры; установить новые политические и культурные порядки; расширить, по крайней мере символически, участие более широких страт в этих порядках; включать эти порядки в новые институциональные виды активности» [Eisenstadt, 2003: 237]. С другой – новые революционные идеологические течения несли устоявшиеся мифы и социальные запросы. Эйзенштадт отмечал, что социализм и коммунизм включили в свои традиции и символы некоторые эсхатологические элементы христианства [Eisenstadt, 1978: 184]. Здесь именитый социолог в принципе соглашался с рядом мыслителей, отмечавших религиозные корни марксизма и социалистических идей, среди которых Г. Лебон [Лебон, 1995: 156], О. Шпенглер [Шпенглер, 2002: 117, 119], А. Камю [Камю, 1998: 242]. Идеи Эйзенштадта об утопических взглядах на будущее, как главной идеологической и мотивационной составляющей великих революций, имеют важное значение. Во-первых, это подтверждается для всех революций [Шульц, 2016: 232–236]. Во-вторых, эти идеи легли в основу технологий т.н. цветных революций начала XXI в., где с целью мобилизации сторонников использовались лозунги об обществе всеобщего благоденствия и справедливости (быстрый рост благосостояния всех граждан, уничтожение богатеев-коррупционеров и т.д.). Здесь принципиально важным в позиции Эйзенштадта является уточнение, что революции стали успешной попыткой реализации Утопии в макросоциальном масштабе, чего не произошло в так называемых цветных революциях.

Таким образом, если подвести в качестве итога определение революции Ш. Эйзенштадтом, революции представляют собой сложное социальное явление, которое вовлекает разные большие социальные группы. Идеология революций, которая обеспечивает мотивацию участия этих различных социальных групп, во многом базируется на классических для социальной психологии принципах, которые ко времени революций стали уже традиционными, в том числе, на идеях Утопий, связанных с традиционными социальными запросами на справедливое общество. При этом, революции ведут к новому обществу – обществу, построенному на иных принципах, принципах, отличающих цивилизацию модерна от предшествующего развития человечества, создающих иной цивилизационный тип. Первые толчки такого перехода произошли в одной из осевых цивилизаций – христианско-европейской, что сделало вестернизацию первой и главной моделью модернизации, не единственной для отличных обществ.

Проблема революционных изменений и последствий революций во многом увязана с вопросом видов и типов революций, о которых идет речь, поэтому сделаем несколько замечаний по данному вопросу.

У К. Маркса, который предложил свою классификацию революций, критерием был признак перехода от одного способа производства к другому: от феодального к буржуазному, от буржуазного к коммунистическому, – изменения были связаны с прогрессом во всех областях [Маркс, 1957: 114; Маркс, 1960: 339]. Б. Мур (1966) в основу классификации положил идею буржуазной революции (она ведет, с его точки зрения, к западным демократиям). Р. Михельс писал о *реакционных революциях* [Михельс, 2000: 108], которые он назвал «консервативными революциями сверху» (и которые ведут к фашистским режимам), и дополнил идеей революций, которые ведут к коммунистическим государствам, которые он назвал «крестьянские революции» [Moore, 1974: 413–414]. Второй и третий тип по Муру –

это революции XX в. Идея принципиального отличия революций XVII–XIX в. и XX в. стала одной из самых популярных среди исследователей. Первые призывали считать направленными на установление конституционных режимов, вторые – на смену политической системы [Revolution, 1966: 7].

С. Хантингтон предложил деление революций на *западные* и *восточные*, где в первые попадали революции до Русской революции, и во многом, включая ее, а во вторые – другие революции XX в. [Хантингтон, 2004: 271]. Как упоминалось выше, Эйзенштадт делил революции на «современные»: Нидерландская, Английская, Американская и Французская, – ими сопровождалась модернизация феодального Запада, и «поздние современные» XIX–XX вв. [Эйзенштадт, 1999: 15, 31, 52–53, 57, 83, 223, 262, 374]. Эта систематизация до сих пор является наиболее оригинальной. У большинства исследователей – сторонников подхода ранних и поздних революций – граница проходит по Русской революции, по рубежу XIX и XX вв.

В системе западных-восточных революций по Хантингтону фактически присутствует та же модель в несколько измененном виде. Классификация Хантингтона, очевидно, не устраивала Эйзенштадта: революции в Нидерландах и в Америке прошли почти исключительно по сценарию *восточного типа*: из регионов в столицу, где устанавливаются новые политические институты; в XX веке по так называемому «восточному» типу развивались революции в Азии и в Латинской Америке.

Классификация Эйзенштадта выглядит наиболее стройной. Отделены первые революции от революций в Европе в XIX в.: они имели явно иной характер, иногда являясь вторыми и даже третьими революциями в государстве, а также от революций в XIX в. в Латинской Америке и революций XX в. в Азии, Африке и Латинской Америке.

Спорным является такой подход к революциям, например, в Германии 1918 г. и России 1917 г., которые, в сущности, решали те же задачи, что и Великая французская революция и все классические революции, и были похожи на них и в задачах, и в алгоритмах [Шульц, 2018]. Однако для Эйзенштадта важно акцентировать модернизационные задачи и последствия. Такие революции, как в Германии, корректирующие, то же – Испания и Португалия, которые не смогли реализовать необходимую модернизацию через одну и даже несколько революций. Революцию в России, как и революции XIX–XX вв. в Азии, Африке и Латинской Америке, отличает модернизация традиционных обществ иных типов, чем общества Западной Европы и США.

Таким образом, Эйзенштадт подвел самую основательную базу под классификацию революций в развитых странах и революций в странах Третьего мира, которая на сегодняшний день одна из самых популярных [Fagan, 2005: 18–24; Selbin, 1999: 2]. Революции, по мнению Эйзенштадта, приносят социальную, экономическую, политическую и культурную модернизацию, осуществляя таким образом переход цивилизации в состояние «нововременности» (modernity) [Эйзенштадт, 1999: 27, 45, 51, 229]. Разбирая аспекты модернизации, Эйзенштадт особый акцент делал на изменениях в социальных структурах.

Здесь следует отметить, что Ш. Эйзенштадт опирается часто не на революции, а на историю реформ: Петра I и Александра II в России, реформаторское движение в Китае и т.д. Примеры революций, которые разбираются исследователем, с точки зрения различных аспектов модернизации, вызывают множество вопросов, что отмечал и сам социолог, признавая, что даже «сформулированные уточнения все же оставляют несколько очень важных вопросов без ответа» [Эйзенштадт, 1999: 177, 187, 248].

Для большинства исследователей революций 1960–1970-х гг. вопрос об обязательности модернизации через революции не стоял: расхождения наблюдались в оценке направленности этой модернизации и ее результатов. То, что модернизация и революции структурно, системно связаны, считали и С. Хантингтон, и Б. Мур, и Ч. Джонсон, и Т. Скокпол, и многие другие авторы [Хантингтон, 2004: 270; Johnson, 1982: 176].

С. Хантингтон считал первичными для революций модернизацию в политической и социальной сфере. Соглашаясь с П. Сорокиным [Сорокин, 2005: 74, 89, 118, 135, 276],

он называл негативными непосредственные экономические результаты революций [Хантингтон, 2004: 310]. Главный социальный итог революций – уничтожение старых классов, социальной дифференциации и общественного расслоения; создание общей идентичности новых социальных групп [Хантингтон, 2004: 311]. И все-таки, с точки зрения Хантингтона, в анализе революций решающий фактор – природа политической организации [Хантингтон, 2004: 337]; наиболее значительные результаты революций (по крайней мере, великих революций) связаны с политической сферой [Хантингтон, 2004: 310].

Т. Скокпол, чье исследование стало популярным в 1980-х и оказывает значительное влияние на научную мысль до сегодняшнего дня («Государства и социальные революции», 1979 г.), дала свое понимание модернизационных процессов в революциях. Революция требуется для модернизации государства, на повестке дня которого – конкуренция на международной арене, с коей оно не справляется, причем преобразования реализуются при активном вмешательстве государства, с использованием политического контроля во многих аспектах социальной и экономической жизни [Skocpol, 1979: 286]. В интерпретации Скокпол, причина революций лежит в неспособности государства мобилизовать ресурсы, чтобы справиться с международной конкуренцией из-за существующей экономической системы и сопротивления политически значимых сил внутри страны [Skocpol, 1979: 286; Skocpol, Trimberger, 1994: 122].

Скокпол видит причины политической напряженности во Франции, России и Китае в противоречиях между производящим (доминирующим) классом и государством, с одной стороны, и между классом землевладельцев и государством – с другой [Skocpol, 1979: 41, 47–48]. С одной стороны, берется теория классового конфликта Маркса, увязанная с экономикой, как абсолютной доминантой, с другой – акцент смещается в политическую составляющую – политическая система; государственные потребности становятся во главу угла. Совершенно логично, что Т. Скокпол в качестве одного из базовых принципов взяла за основу «концепцию равновесия социальной системы и дисфункции» Ч. Джонсона и Л. Стоуна, где ключевыми являются понятия политической системы и господствующей элиты [Johnson, 1964: 4–5; Stone, 1966: 165; Stone, 2005: 9–11].

Дискуссия в подходах оказала влияние на исследователей 1980-х. Так, Дж. Голдстоун дает в разных работах противоречивые оценки влияния модернизации в революциях на экономику [Goldstone, 1991: 483]. Откликом на размышления Ш. Эйзенштадта можно считать замечания Д. Голдстоуна, что «пруссские реформы 1806–1812 гг. были более эффективными в продвижении экономического развития, чем все революции на Западе» [Goldstone, 1991: 483].

Прямое следствие дискуссий 1970-х, на наш взгляд, наблюдается и в т.н. «структурно-демографической теории» Голдстоуна [Goldstone 1991: 2–3, 27, 31, 419–421; Goldstone 2010: 31], в основе которой – концепция «мальтузианской ловушки» и идеи немецкого историка экономики В. Абеля [Abel, 1935], а также С. Хантингтона и Т. Скокпол. Для расчета возможности революций или «схожих с революциями явлений» (revolution-like events) автор предлагает опираться на социодемографический фактор – рост населения вкупе с такими политическими факторами как: взаимоотношения элит и народа, степень отчужденности элит и потенциал мобилизации, эффективность государства, общая социальная политика государства, сила и слабость власти [Goldstone, 2000: 401].

Можно констатировать, что в 1960–1980-х гг. в теории революции шли серьезные дискуссии по спектру проблем. Большинство исследований (по крайней мере, концептуально значимых) выполнили социологи и представители политических наук, что обуславливало подходы, приоритеты и акценты. Исследователи этого периода оказали самое большое влияние на последующие концепции, и одним из таких исследователей стал Ш. Эйзенштадт. Его выводы, подходы и оригинальность идей ярко выделялись и тогда, и на современном этапе развития науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Камю А. Человек бунтующий // Камю А. Сочинения в 5 т. Т. 3. Харьков: Фолио, 1998. С. 59–360.
- Лебон Г. Психология социализма. СПб.: Макет, 1995.
- Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 109–134.
- Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 17. М.: Политиздат, 1960. С. 317–370.
- Михайлова Ю.Д. Общественно-политическая мысль Японии (60–80-е годы XIX в). М.: Наука, 1991.
- Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 107–116.
- Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. М.: Прогресс, 2004.
- Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002.
- Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. М.: Логос, 2005.
- Шульц Э.Э. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии и проблемы возникновения, развития и падения Веймарской республики // Вестник Томского государственного университета. Сер. «История». 2018. № 426. С. 223–228.
- Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991.
- Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935.
- Arendt H. On Revolution. London: Penguin, 1990.
- Brinton C. The Anatomy of Revolution. New York: W.W. Norton, 1938.
- Calvert P. A Study of Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Calvert P. Revolution. London: Praeger. 1970.
- Dunn J. Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Edwards L.P. The Natural History of Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1927.
- Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden: BRILL, 2003.
- Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Eisenstadt S.N. Revolution and the Transformation of Societies: a Comparative Study of Civilizations. New York: Free Press, 1978.
- Eisenstadt S.N. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Ed. by D. Sachsenmaier, S.N. Eisenstadt, J. Riedel. Leiden: BRILL, 2002. P. 27–41.
- Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity // Rethinking Civilizational Analysis / Ed by S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. London: Sage Publication Ltd., 2004. P. 48–66.
- Eisenstadt S.N. The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity. Leiden: BRILL, 2006.
- Ellul J. Autopsy of Revolution. New York: Knopf, 1971.
- Foran J. Revolutions // The Blackwell Encyclopedia of Sociology / Ed. by G. Ritzer. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2007. P. 3914–3923.
- Foran J. Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Gilman N. Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 2003.
- Goldstone J.A. Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) Have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe // Revolution: Critical Concepts in Political Science / Ed. by R.H.T. O’Kane. Vol. 4. London: Taylor & Francis, 2000. P. 395–416.
- Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions // Annual Review of Sociology. 1982. Vol. 8. P. 187–207.
- Goldstone J.A. The New Population Bomb: The Four Megatrends that Will Change the World. Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. No. 1. P. 31–43.
- Gurr T.R. Why Men Rebel? Princeton, NJ: Princeton University Press, 1970.
- Hagopian M.N. The Phenomenon of Revolution. New York: Dodd, Mead, 1975.
- Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

- Johnson Ch. Revolution and the Social System. Palo Alto, CA: The Hoover Institute of War, Revolution, and Peace; Stanford University Press, 1964.
- Johnson Ch. Revolutionary Change. Stanford, CA: Stanford University Press, 1982.
- Kimmel M.S. Revolution. A Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple University Press, 1990.
- Meisel J.H. Counterrevolution: How Revolution Die. New York: Atherton Press, 1966.
- Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. London: Penguin University Books, 1974.
- Pettee G.S. The Process of Revolution. New York: Harper & Brothers, 1938.
- Rejai M. The Comparative Study of Revolutionary Strategy. New York: David McKay, 1977.
- Rejai M. The Strategy of Political Revolution. New York: Doubleday & Company, 1973.
- Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy / Ed. by C.J. Friedrich. New York: Atherton Press, 1966.
- Selbin E. Modern Latin American Revolutions. 2nd ed. Boulder, CO.: Westview Press, 1999.
- Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Skocpol T., Trimberger E.K. Revolutions and the World-historical Development of Capitalism // Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 120–132.
- Sorokin P.A. The Sociology of Revolution. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1925.
- Stone L. The Causes of the English Revolution, 1529–1642. London; New York: Routledge, 2005.
- Stone L. Theories of revolution // World Politics. 1966. Vol. XVIII. No. 2. P. 159–176.
- Therborn G. Roads to modernity: revolutionary and other // Revolution in the Making of the Modern World: Social Identities, Globalization, and Modernity / Ed. by J. Foran, D. Lane, A. Zivkovic. Abingdon, UK; New York: Routledge, 2008. P. xiv–xvii.
- Tilly C., Tilly L., Tilly R.H. The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975.

Статья поступила: 17.06.19. Принята к публикации: 12.08.19.

SHMUEL EISENSTADT'S SOCIOLOGY OF REVOLUTION

SHULTS E.E.

Moscow State Regional University, Russia

Eduard E. SHULTS, Cand. Sci. (Hist.), Moscow State Regional University, Moscow, Russia (nuap1@yandex.ru).

Abstract. The article analyses basic provisions of the theory of revolution by Israeli sociologist Shmuel Eisenstadt. His sociological concept of revolution remains still understudied, meanwhile, it is of huge interest due to its impact on a large number of researchers from various social sciences, especially in problems of the theory of revolution, the generalizing works and studying of the specific revolutions. The first large work of Sh. Eisenstadt devoted to revolutions was published in 1978, but the author kept reflecting on revolutions until the end of life, partially refreshing his conclusions and developing them. Special attention in the article is paid to two corner stones, from the point of view of the author, of Eisenstadt's theory of revolution: theory of modernization and «axial civilizations» concept. Questions connected with the reasons and consequences of revolutions, social composition and ideologies are considered. From Eisenstadt' point of view, revolutions are complex social phenomena which involve various big social groups. The ideology of revolutions which provides motivation of participation to these social groups in many respects is based on the principles, classical for social psychology, which by the time of the revolutions became already traditional, including Utopian ideas connected with traditional social demand for a just society. At the same time, revolutions lead to new society – the society constructed on other principles, the principles differentiating modern style civilization from the previous ones. The first cases of such transition occurred in one of axial civilizations – Christian and European that made westernization the first and main model for modernization, but not the only one for the non-European societies.

Keywords: theory of revolution, sociology of revolution, aftermath of revolutions, modernization, modernity.

REFERENCES

- Abel W. (1935) *Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert*. Berlin.
- Arendt H. (1990) *On Revolution*. London: Penguin Books.
- Brinton C. (1938) *The Anatomy of Revolution*. New York: W.W. Norton & Co.
- Calvert P. (1970) *A Study of Revolution*. Oxford: Clarendon Press.
- Calvert P. (1970) *Revolution*. London: Praeger.
- Camus A. (1998) Homo Revolting. In: Camus A. *Works in 5 vols*. Vol. 3. Kharkov: Folio: 59–360. (In Russ.)
- Dunn J. (1972) *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Edwards L.P. (1927) *The Natural History of Revolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Eisenstadt S.N. (2003) *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Leiden: BRILL.
- Eisenstadt S.N. (1999) *Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eisenstadt S.N. (1978) *Revolution and the Transformation of Societies: a Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press.
- Eisenstadt S. (1999) *Revolution and the Transformation of Societies: a Comparative Study of Civilizations*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
- Eisenstadt S.N. (2002) Some Observations on Multiple Modernities. In: Sachsenmaier D., Eisenstadt S.N., Riedel J. (eds) *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese, and Other Interpretations*. Leiden: BRILL: 27–41.
- Eisenstadt S.N. (2004) The Civilizational Dimension of Modernity. In: Arjomand S.A., Tiryakian E.A. (eds) *Rethinking Civilizational Analysis*. London: Sage Publication Ltd.: 48–66.
- Eisenstadt S.N. (2006) *The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity*. Leiden: BRILL.
- Ellul J. *Autopsy of Revolution*. New York: Knopf, 1971.
- Foran J. (2007) Revolutions. In: Ritzer G. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing: 3914–3923.
- Foran J. (2005) *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Friedrich C.J. (1966) *Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*. New York: Atherton Press.
- Gilman N. (2003) *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press.
- Goldstone J. (2010). The New Population Bomb: The Four Megatrends that Will Change the World. *Foreign Affairs*. Vol. 89. No. 1: 31–43.
- Goldstone J.A. (2000) Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) Have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe. In: O'Kane R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. London: Taylor & Francis: 395–416.
- Goldstone J.A. (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Goldstone J.A. (1982) The Comparative and Historical Study of Revolutions. *Annual Review of Sociology*. Vol. 8: 187–207.
- Gurr T.R. *Why Men Rebel?* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1970.
- Hagopian M.N. *The Phenomenon of Revolution*. New York: Dodd, Mead, 1975.
- Huntington S.P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Huntington S.P. (2005) *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jaspers K. (1991). *The Origin and Goal of History*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Johnson Ch. (1964) *Revolution and the Social System*. Palo Alto, CA: The Hoover Institute of War, Revolution, and Peace, Stanford University Press.
- Johnson Ch. (1982) *Revolutionary Change*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Kimmel M.S. (1990) *Revolution. A Sociological Interpretation*. Philadelphia: Temple University Press.
- Le Bon G. (1995) *The Psychology of Socialism*. St. Petersburg: Maket. (In Russ.)
- Marx K. (1957) The Bourgeoisie and the Counter-Revolution. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 6. Moscow: Politizdat: 109–134. (In Russ.)
- Marx K. (1960) The Civil War in France. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 17. Moscow: Politizdat: 317–370. (In Russ.)
- Meisel J.H (1966). *Counterrevolution: How Revolution Die*. New York: Atherton Press.
- Mikhaylova Yu.D. (1991) *Social and Political Thought of Japan (the 60-80s of XIX Century)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

- Michels R. (2000) Democratic Aristocracy and Aristocratic Democracy. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 107–116. (In Russ.)
- Moore B. (1974) *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. London: Penguin University Books.
- Pettee G.S. (1938) *The Process of Revolution*. New York: Harper & Brothers.
- Rejai M. (1977) *The Comparative Study of Revolutionary Strategy*. New York: David McKay.
- Rejai M. (1973) *The Strategy of Political Revolution*. New York: Doubleday & Company.
- Selbin E. *Modern Latin American Revolutions*. 2nd ed. Boulder, CO: Westview Press, 1999.
- Shults E.E. (2016) *Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations*. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Shults E.E. (2018) The November Revolution of 1918 in Germany and Problems of Emergence, Development, and Failure of the Weimar Republic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoriya»* [Bulletin of the Tomsk State University. History Series]. No. 426: 223–228. (In Russ.)
- Skocpol T. (1979) *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Skocpol T., Trimberger E.K. (1994) Revolutions and the World-historical Development of Capitalism. In: Skocpol T. *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press: 120–132.
- Sorokin P.A. (1925) *The Sociology of Revolution*. Philadelphia: J.B. Lippincott.
- Sorokin P.A. (2005) *The Sociology of Revolution*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Spengler O. (2002) *Prussianism and Socialism*. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Stone L. (1966) Theories of Revolution. *World Politics*. Vol. XVIII. No. 2: 159–176.
- Stone L. (2005) *The Causes of the English Revolution, 1529–1642*. London; New York: Routledge.
- Sztompka P. (2005) *Sociology. Analysis of Modern Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Therborn G. (2008) Roads to Modernity: Revolutionary and Other. In: Foran J., Lane D., Zivkovic A. (eds) *Revolution in the Making of the Modern World: Social Identities, Globalization, and Modernity*. Abingdon, UK; New York: Routledge: xiv–xvii.
- Tilly C., Tilly L., Tilly R.H. (1975) *The Rebellious Century, 1830–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Received: 17.06.19. Accepted: 12.08.19.